

Александр Амфитеатров

**Александр Иванович
Чупров**

Александр Валентинович Амфитеатров

Александр Иванович Чупров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785265

Аннотация

«Как громом поразило меня известие о внезапной смерти Александра Ивановича Чупрова... Есть имена, сами за себя говорящие настолько выразительно, что прибавление к ним какого бы то ни было профессионального определения не только не поясняет их, но как-то даже затемняет, принижает, умаляет, суживает, почти опошляет их истинное значение. Поэт Пушкин, беллетрист Тургенев, публицист Герцен, профессор истории Грановский странно звучат в ухе русского человека, хотя Пушкин действительно был поэтом, Тургенев – беллетристом (и не любил же он это неуклюжее слово!), Герцен – публицистом и Грановский – профессором истории...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Александр Валентинович Амфитеатров Александр Иванович Чупров

Как громом поразило меня известие о внезапной смерти Александра Ивановича Чупрова... Есть имена, сами за себя говорящие настолько выразительно, что прибавление к ним какого бы то ни было профессионального определения не только не поясняет их, но как-то даже затемняет, принижает, умаляет, суживает, почти опошляет их истинное значение. Поэт Пушкин, беллетрист Тургенев, публицист Герцен, профессор истории Грановский странно звучат в ухе русского человека, хотя Пушкин действительно был поэтом, Тургенев – беллетристом (и не любил же он это неуклюжее слово!), Герцен – публицистом и Грановский – профессором истории. Имена эти стали для интеллигентных масс символами своих идей настолько полно и прочно, что попытка еще добавочно разъяснять их эпитетами и определениями уже излишня и даже как будто оскорбительна. Пушкин, Тургенев, Герцен, Грановский – четыре самопонятные созвездия идей, воплощенных в четырех исторических именах бесконечным разнообразием мысли и чувства, несчетною пестротой силы

и красоты. Бывают такие имена всемирные, бывают всероссийские, бывают местные. Кто, например, в Петербурге не знает и не помнит имя Ореста Миллера? А я уверен, что из знающих и помнящих это имя большинство давным-давно уже позабыло, когда и где Орест Миллер профессорствовал, какую науку читал, и хорошо или дурно. Потому что – не в том дело. Что было нужно Петербургу в Оресте Миллере, что составляло общественную суть и мысль его явления, то и осталось жить навсегда: имя превратилось в вечную идею возвышенного и самоотверженного гуманизма, а все земные временные оболочки его истлели по мере того, как сгнивало в могиле успокоенное тело.

Вот такое-то идейное местное имя для Москвы – Александр Иванович Чупров. Назвать его «профессором политической экономии и статистики» значит для ушей москвича – не сказать ничего. Значение Александра Ивановича в Москве было настолько разнообразно, настолько шире обязанностей и возможностей официальной его профессии, что, вне всяких сомнений, несмотря на весь блеск тридцатилетней чупровской профессуры, Чупров как личность, *просто* Чупров, всегда заслонял Чупрова-профессора.

Я имел честь и счастье знать А. И. Чупрова с тех пор, как помню самого себя: он мой родной дядя, брат моей матери и мой крестный отец. Вся моя школьная юность прошла под его контролем и влиянием. Я знал его хорошо, но еще лучше узнал впоследствии, когда взрослым, стареющим челове-

ком стал вспоминать его, — как и каким я его знал. И сейчас, когда он мертвец, сдается мне, что думать о нем и узнавать его предстоит мне еще долго-долго: наше знакомство только в начале! А между тем призраки Чупрова, вызываемые моими воспоминаниями из разных эпох, совсем не разнообразны. Во всем и всегда вижу я Александра Ивановича одним и тем же: восторженным идеалистом, энтузиастом западного прогресса, носителем и апостолом деятельной любви к ближнему — любви, больше которой никто же иметь, потому что неутомимо дышала она в мир человеческий святым заветом — полагал душу свою за други своя. Чупров сжег жизнь свою, как человек-факел, пылавший путеводным маяком для странников, блуждающих в темной житейской ночи. Возвышенный и светлый, сиял он над болотным миром русской обывательщины и без усталости нагибался и простирали руки со скалы своей, чтобы поднимать на свой уровень слабых, усталых, оробевших, отчаянных. Есть у Лонгфелло стихотворение — «Excelsior!»¹

---

¹ «Высочайший» (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.